

Солнце поднялось высоко над снежными вершинами, когда Саид, щурясь, вышел из пещеры. Образовавшиеся за ночь наледи сочились талой водой, из-под твёрдого наста на склонах бежали бесчисленные ручьи, чёрные, с золотыми каёмками. За то время, что прожил в уединении на перевале, Саид привык к суровым условиям и скудной пище. Первые годы во время холодных ночей он забирался глубоко в пещеру, туда, где ощущалось тёплое дыхание недр. В лютые морозы разводил огонь. Это было давно. Теперь Саид живёт у самого входа и не разводит огня. Зачем ему огонь? Огонь в нём самом. Этого достаточно.

Его дело — охранять перевал, отводить случайных людей. Званные гости в этих местах редки, как вспышка сверхновой. Работая в молодые годы в обсерватории, Саид знал, как редки сверхновые в нашей галактике. С тех пор много времени утекло. Сидя в полном одиночестве на перевале, не имея никаких приборов и средств связи, Саид узнал о вселенной намного больше, чем все астрономы мира. Восприятие Саида так обострилось, что он легко может видеть в полной темноте, может уловить хруст льда под лапой зверя далеко на склоне. Больше того, постоянное напряжённое вслушивание приучило его находить и различать не только отдалённые звуки, но и воспринимать волны приближающихся событий.

Впервые попав в эти места и оставшись без проводника, до изнеможения блуждая среди безжизненных льдов, он представлял себя забытым на далёкой безлюдной планете, вроде Европы или Ио, обречённым на медленную мучительную смерть среди вечных неподвижных льдов, совершенно равнодушных к судьбе человека. Тогда он сумел преодолеть не только себя, но и защитный барьер. Высланный навстречу проводник нашёл его уже по ту сторону границы, едва живого, перетащил в пещеру. С тех пор Саид единственный постоянный обитатель этих мест. Где-то западнее и восточнее есть другие сторожа, но с ними он никогда не встречался, только чуял их безмолвное присутствие.

Внизу за перевалом стоит плотный туман, застилающий долину, в которую Саиду нет входа, в которой он не бывал ни разу. В долине бьют гейзеры и цветут сады. Иногда оттуда доходит запах роз и магнолий.

Далеко над снежными вершинами прошёл в тёмном, почти космическом небе сверкающий на солнце аппарат. Последнее время Саид видит их часто. Он знает, что такие аппараты делают глубоко под землёй. Они плавают высоко в стратос-

фере, охраняя верхние слои от губительных излучений. Аппарат прошёл на значительной высоте, сделал внезапный зигзаг и скрылся.

Саид шёл и вслушивался в чужаков, медленно, но верно приближающихся к запретным границам. Их трое. Русские. Однажды двое русских приезжали к ним в обсерваторию. Некоторое время жили рядом в вагончике, обтирались снегом по утрам. Немного угрюмые, но простодушные ребята учили Саида русским словам, подшучивали. Потом у одного из них лопнули сосуды, пошла носом кровь и им пришлось уехать досрочно. К высокогорью надо привыкать.

Двое мужчин и женщина. Женщине нет и тридцати. Мужчины чуть постарше. В оранжевых меховых куртках, с рюкзаками. Несут кучу ненужных вещей. Еду готовят на газовой горелке, спят в меховых спальниках. В таком примерно спальнике спал Саид, когда работал в обсерватории. Ночами просиживал в ватнике у прибора, а днём спал. Тогда-то и приучился к холоду. К еде же был непритязателен всегда. Слишком сильна была жажда знаний, чтобы отвлекаться на ерунду.

Не глупые, но огонь горит в них слабо, рассеянно. Слишком много «хочу» и очень мало сдержанности, концентрированной силы. Идут не спеша, наощупь, не зная пути. Ничего кроме гибели не ждёт их на подступах к охраняемой священной долине. Надо предупредить.

Далеко внизу засверкали бесчисленные промоины. Но Саид знает, что прямого пути в долину нет. Тропа извилиста, она петляет меж обледеневших уступов, уклоняясь то к западу, то к востоку, постепенно спускаясь. Только к полудню он вышел к ручью, в том месте, где можно перебраться на другую сторону, почти не замочив ног. Ручей широкий и бурный. Но Саид знает место брода, знает каждый притоленный камень, на который надо поставить ногу. Вода пела и пенилась вокруг, радостно приветствуя его. И Саид был благодарен ей за эту приветливость. Подобрав полу чубы, туго перепоясанной синим кушаком, он переступал с камня на камень, внимательно ставя ногу на скользкую поверхность. Где-то на середине переправы войлочная шляпа съехала ему на глаза. Он остановился, поправил её и неторопливо продолжил путь. Его кожаные сапоги на резиновой подошве не пропускали воду, а заботливо подвёрнутая чуба осталась даже не забрызганной.

Шли неторопливо, с опаской поглядывая на неприступные снеговые вершины. У ручья решили сделать привал. Игорь шёл впереди, немного прихрамывая — натёр ногу. Достигнув ручья, он свалил рюкзак, сел на него и, упираясь пяткой о камень, стянул сапог.

— Купаться будешь? — как всегда насмешливо спросил Антон, подходя сзади и сваливая свой рюкзак, чуть не в два раза больший, чем у Игоря.

Игорь промолчал. Он стащил носок и внимательно ощупал припухшее, покрасневшее место с содранной кожей, чуть ниже на суставе большого пальца. Достал из кармашка рюкзака аптечку.

— Ну-ка *покаж*, — Антон склонился, снял тёмные очки, брезгливо поморщился, — дело дрянь. Вот точно так было у моей бабушки, э-э-э перед смертью.

Он похлопал Игоря по плечу и полез в рюкзак за горелкой и баллоном.

— Отдохнём, а утром — на приступ, — бодро объявил он подхлотившей с по-нурым видом Марине, — перевалим до темноты.

Марина не ответила. Антон помог ей свалить рюкзак, и она устало опустилась на него, переводя дух.

— После этого похода я буду год отлёживаться, — сказала она вяло, — просто буду лежать и смотреть в потолок. И в руки не возьму ничего тяжелее чашки чая.

Антон хмыкнул. Он зачерпнул воды в котелок и поставил на огонь.

— У меня в термосе тибетский чай остался, ещё тёплый, если кто хочет, — сказал Игорь.

Марина состроила гримасу отвращения:

— Бе-бе-бе! Я это солёное пойло с молоком и жиром больше в рот не возьму. Даже если буду от жажды умирать. Как вы можете пить такую гадость?!

— А по-моему, ничего, своеобразно...

И тут они заметили старика. Он неподвижно сидел на камне и смотрел на воду. На нём было длинное запашное пальто, подпоясанное кушаком, в каких ходят тибетцы из дальних селений и глубокая войлочная шляпа с полями. На плечах лежали мелкие косички с вплетёнными в них синими ленточками. Разом замолчали. Стало слышно, как шипит газ в горелке, как ветер рвёт язычки пламени. Первым опомнился Антон.

— А вот и йети.

Игорь и Марина, как замороженные, смотрели на незнакомца.

— Чаю хотите? — крикнул Антон старику — Марина, как там по-тибетски чай?

— Не знаю, — слотнув слюну, тихо ответила Марина, не отрывая глаз от войлочной шляпы.

— Tea. To drink tea, — крикнул Антон.

Старик повернул голову и посмотрел на него, но не ответил. Антон поднял руку в знак приветствия.

— To drink tea, — крикнул он опять старику.

Тот отрицательно помотал головой.

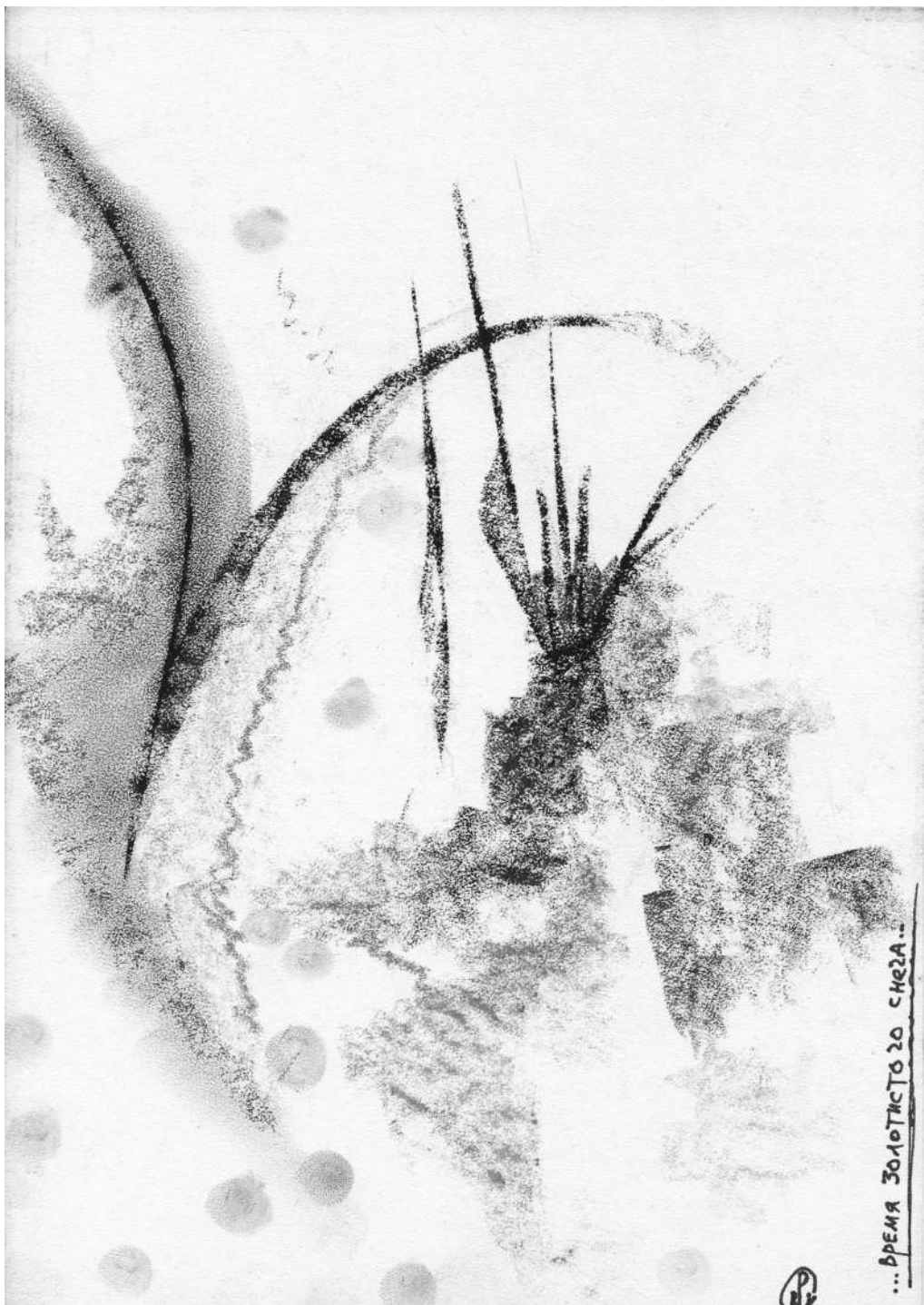
— Кажется, он понимает английский, — сообщил Антон.

— Сам-то ты понимаешь свой английский? — съехидничал Игорь.

— А вот и проверим.

Нарочито неторопливо он подошёл к незнакомцу и остановился в трёх шагах. Старик всё так же сидел и смотрел на него. Стараясь не делать резких движений и дружелюбно улыбаясь, как Кук перед аборигенами, Антон заговорил на своём скверном английском:

— How to get to the pass?

... ВРЕМЯ ЗОЛОТИСТОГО ЧЕРА...

Ни один мускул не дрогнул в лице старика. Глядя в глаза Антона своими узкими азиатскими глазами, он покачал головой. Антон хотел повторить вопрос, но старик его остановил.

— There is no way here.

— Pass. We need to go to the pass.

— Go back, — сказал старик.

— Вот чёрт!

Антон растерянно обернулся к своим.

— Кажется, не понимает.

— Спроси про перевал? — крикнула Марина.

— Уже.

— И что? Что он ответил? Ты понял, что он ответил?

— Что прохода здесь нет. Говорит, чтобы мы возвращались.

Марина подошла к Антону.

— Жаль, что я изучала французский.

— Не понимаю. По карте перевал совсем рядом.

Антон посмотрел на старика и указал ему в сторону перевала:

— Pass.

— Death, — ответил старик.

— Where is the passage?

— There is no passage. There is death.

Подошёл Игорь.

— Что тут у вас?

— Да ерунда какая-то, — буркнул Антон, — говорит, что прохода нет, что там смерть.

— Наверно мы зашли на какие-то их священные земли, — предположила Марина, — и духи не хотят пропустить нас.

— Думаю, мы с этим шаманом не договоримся. Перекусим и дойдём своей дорогой.

Антон подошёл и обнял Марину за талию. Игорь понуро смотрел им в спины.

— Ходить нет, — сказал старик по-русски им вслед, — смерть.

Антон с Мариной переглянулись. Игорь открыл рот.

— Знаешь русский? — спросил Антон, вернувшись к старику.

Марина с Игорем остались стоять там, где были. Старик кивнул:

— Знать мало-мало. Ходить нет. Много снег. Смерть.

— А-а! — обрадовался Антон, — Я, кажется, понял, — крикнул он Марине и Игорю, — На перевале много снега, есть опасность схода лавин.

— Снег, — подтвердил старик, кивая головой, — Много снег. Смерть.

Пока заваривали вермишель быстрого приготовления и пили чай с бутербродами, ступили сумерки. Старик сидел на камне и смотрел на воду. Пока Антон и Игорь, склоняя головами, изучали карту, он как будто дремал, сидя у ручья.

А потом как-то незаметно исчез, не оставив никаких следов на обледеневших камнях.

— Перевал здесь, — постукивая средним пальцем по карте, говорил Антон, — другого нет. И я предлагаю рискнуть. Осторожно пройдем. Глупо поворачивать на полпути из-за какого-то старика.

— Я согласен, — поддержал Игорь. Энтузиазма лезть на заснеженный перевал у него не было, но он не хотел показаться хлюпиком.

— А я думаю, нам надо вернуться, — в задумчивости сказала Марина, — Нет никакой надобности рисковать. Мы и так достаточно посмотрели этот дурацкий Тибет. Лёд и снег — вряд ли нам ещё что-то покажут.

— А как же Шамбала? — усмехнулся Антон.

— Антон! — Марина укоризненно покачала головой. — Шамбала это в другом измерении.

— Ну, а тут портал какой-нибудь, вот как раз за этим перевалом.

— Даже если и так, нас всё равно туда не допустят, — вздохнула Марина.

— А этого чурку пустят?

— Чурку-то как раз, может, и пустят.

— Твоя моя не понимает. Ладно, давайте так — пройдем немного, посмотрим, как там и что. Вернуться никогда не поздно.

На том и порешили. Поставили палатку и залезли в спальники.

К ночи ветер усилился, он срывал с уступов тонкий снежный покров и закручивал его в вихри. Растяжки напрягались и пели, их пришлось укрепить камнями. В полночь началась гроза. Вспышки синих молний, как рентгеном, насквозь просвечивали палатку. Ударов грома не было. Сухой треск, переходящий в яростное шипение сопровождал вспышки.

— Такое впечатление, что это крупная авария на мощной электростанции, — пошутил Игорь, лёжа в своём спальнике.

— Ага, — тут же отозвалась Марина, ей было страшно, — первый раз попадаю в грозу в горах. Мне рассказывали, что это страшно, но я не думала, что настолько.

Молнии хлестали, как из катушки Тесло. Ветер выл и крутил вихри, барабанил в бока палатки ледяной крупой.

— А представляете, если бы мы пошли выше?! — с ужасом подумала вслух Марина. — Старик нас предупредил, а мы решили перетяся, как последние дураки.

— Панику не наводи! — нарочито равнодушным голосом скучающего в вынужденном безделье человека сказал Антон. — Спать давайте, утро вечера мудренее.

Но спать не получилось. Ветер ещё усилился, переходя в ураган. Палатку приподнимало. Первым не выдержал Игорь, он ёрзнул молнией, выбрался из спальника и полез к выходу.

— Холода напустишь, — предупредил Антон.

Игорь не ответил. Выбравшись из палатки, он едва устоял на ногах, схватился за сильно, как басовая струна, вибрирующую растяжку. Снаружи всё выло и летало. И шипело в непрерывных лиловых всполохах. Шипящие щупальца лохматых молний перекрывали одна другую.

— Мать честная! — поразился Игорь, — Вот это да!

Но и сам не услышал своего голоса. Наклонился и крикнул в палатку:

— Эй, вылезайте, это надо видеть!

— Что там, что? — переполошилась Марина.

Она выбралась из своего мешка и в одних носках выскочила наружу. Игорь что-то крикнул ей, но не было слышно.

— Мамочка родная! — прошептала Марина одними губами, увидев, что творится вокруг палатки.

Снизу её дёрнул за ногу Антон, и, когда она присела, крикнул в ухо:

— Обуйся!

Марина обулась, и оба они вылезли из палатки. Держась за растяжку, стояли и смотрели на фантастическую круговерть. Кричать было бесполезно, и они смотрели молча, одновременно с ужасом и восхищением. В чёрном небе стремительно неслась какая-то муть, сквозь которую проступали звёзды, страшно яркие, густо, обильно насаженные неземные миры. А в ста метрах от палатки в белёсой ледяной мгле пространства стоял на хвосте и бешено вращался гигантский чёрный смерч, похожий на огромную, вставшую на хвост и готовящуюся к прыжку кобру. Смерч шевелился, лениво танцуя вдоль ручья. Острая ледяная крупа больно царапала лица, влипала в свитера, волосы, но путники в ужасе застыли на месте. В некотором отдалении шевелился ещё один смерч, ещё огромное, страшной воронкой своей уходящий к самым звёздам. Черная вращающаяся масса его, казалось, втягивала в себя не только ледяную снежную муть, но и само пространство.

Антон схватил Игоря за плечо, притянул к себе, крикнул в ухо:

— Лезь в палатку, замёрзнешь!

Игорь не понял. Он повернулся к Антону лицом, в глазах его стоял такой ужас, что Антон отшатнулся.

— Уходим! — закричал Игорь, — Бежим вниз, вдоль ручья!

Он рванулся, но Антон удержал его, сбил с ног и поволок к палатке.

— Пусти, пусти! — кричал Игорь, пытаясь вырваться из цепких рук товарища.

— Марина! — крикнул Антон.

Марина с трудом оторвалась от гипнотизирующего зрелища смерчей.

— Мы умрём! — мрачно сказал Игорь, когда они забрались в палатку.

— Не умрём, — спокойно ответил Антон, — смерти нет, правда, Марина?

— Дурак.

Марина забралась в спальник и смотрела неподвижно в вибрирующий потолок палатки.

— Мы умрём, — убеждённо повторил Игорь.

Но затих и он. Они молча лежали в своих спальниках и ждали, что будет.

БЕГУЩИЙ СКВОЗЬ ВЕТЕР ...

«Как же легкомыслен человек, если думает бороться с подобной стихией! — благоговейно думал Игорь. Шок от увиденного сменился у него эйфорией. — Что там адронный коллайдер! Что там атомные станции! Вот мощь, которую невозможно преодолеть, как невозможно преодолеть гигантские цунами или извержения вулканов! Сколько бы ни пыжился человек, ему никогда не удастся покорить стихии. Мы так и останемся муравьями в муравейниках, разумной плесенью на поверхности почвы. Нам кажется, что мы умны и всё сможем, не сейчас так в будущем. Господи, да нет у нас никакого будущего! Чуть похолодает или потеплеет и — конец, загнёмся, как повилика на морозе. Велик не человек, а вот это! Вот Оно!»

Марина смирилась. Вид приближающейся ужасной смерти смирил её, даже успокоил. Она приняла это как неизбежное и должное. «За всё. За все наши «хочу», за несусветную глупость всей нашей нелепой жизни, не нужной, ничтожной». Она лежала спокойная, ко всему готовая.

Антон был напряжён, за внешней бравадой пряталась предательская неуверенность, страх, в том числе и страх ответственности за эти две жизни, которые он легкомысленно притащил в этот ад, которые не может спасти, вырвать из лап надвигающейся немыслимой тьмы. Ураган продолжался всю ночь. Всю ночь шипели и трещали молнии, насквозь просвечивая палатку, отчего из неё с невероятной скоростью всякий раз выпрыгивали тени, как из тамбура на полном ходу летящего поезда. Утихло только к рассвету. И Антон задремал, погрузился в тяжёлую тревожную дрему. И оказался в своей комнате, где различил свои вещи в сереющих сумерках. Звучала тихая щемлящая музыка. За окнами шёл дождь, висел сплошной серой пеленой. Окнами комната выходила на город, застланный пеленой дождя, серый, безлюдный. Он виделся весь, со всеми пустынными серыми кварталами, расположенными далеко внизу. Задней стенки почему-то не было, сквозь образовавшийся проём можно было выйти в сад, прямо под намокшие вишни. Музыка доносилась оттуда. «И так даже лучше, без стенки, — подумал Антон, — как мне раньше не приходило в голову выломать её?!» Ему хотелось выйти в сад, но что-то удерживало, беспокоило. Он осмотрел комнату и обнаружил старика в войлочной шляпе. Старик, сложив руки на груди крестом, как мумия, сидел на диване и смотрел на него.

«Чего он от меня хочет?» — подумал Антон.

— Иди назад, — сказал старик глухим голосом.

«Он читает мои мысли, — подумал Антон.

— Я хочу выйти в сад, — сказал он старику.

— Там смерть.

— Нет, это только сад, вишни, травка, синички...

Он посмотрел в сад и отшатнулся. Сад был весь в густом снегу, и небо было тёмное, ночное и на нём, от края до края раздирая его чёрную холстину, трещали синие молнии.

— Это смерть, — убеждённо произнёс старик.

И Антон понял, что так оно и есть. Что там, за пределами этой комнаты находится нечто ужасное, что принять он не готов, не в состоянии перейти границы.

— Да, — сказал он старику, — да, да, смерть, я понял.

И комната начала вращаться, сначала медленно, но потом всё быстрее и быстрее.

«Я умираю, — подумал Антон, — это смерть».

Проснулись поздно, спустились к ручью, умылись ледяной водой. Повалил снег из низко, почти у самой земли, ползущих туч, стал отвесно падать широкими кристаллическими пластинами, мгновенно скрыв склоны. Ручей жадно, как изголодавшийся зверь, хватал и хватал их, проглатывая тысячами, миллионами, не в состоянии насытиться.

Чай кипятить не стали. Собрали вещи, свернули палатку и молча, не сговариваясь, пошли обратно.

Через трое суток, измученные, но повеселевшие, вышли к той горной деревушке на федеральной трассе, с которой начали своё пешее путешествие к нагорью. С удовольствием поели в чайной мамо с мясом дри, весело обсуждая местные нравы: невымытые полы, общую посуду, которую по мнению Антона, просто вылизывают вечно голодные мальчишки — темнолицые, мордастые и морщинистые, как маленькие старички. Мужчины с удовольствием выпили часуймы в прикуску с ячменными лепёшками, посмеиваясь над Мариной, которая пить «это пойло» наотрез отказалась. Договорились с местным водилой, он за небольшую плату согласился отвести их до автостанции. Уже загрузив вещи в машину, весело перебрасываясь шутками, заметили знакомого старика в войлочной шляпе, неторопливо подходящего к чайной. Помахали ему рукой, но он не ответил — толи не заметил, толи не захотел. Когда машина, погнавшись, тронулась и мимо поплыли нищенские кирпичные домики с плоскими крышами, с бесчисленными пристройками, с каменными ограждениями для скота, они уже забыли о старике и, весело болтая, мешая русские слова с английскими, подшучивали над водилой — темнолицым белозубым парнем лет тридцати, очень крепко держащим руль и вприщур смотрящим на дорогу, на аккуратно размеченное полотно шоссе, на сумрачные, почти чёрные горы с белыми вершинами по горизонту, приветствуя редко проносящиеся навстречу грузовики поднятой рукой и белозубой улыбкой.

Проводив незваных гостей, Саид решил перекусить и отдохнуть перед дальней обратной дорогой. Он редко бывал в местных селениях, но в этой деревушке его знали. Такие деревушки, расположенные вдоль федеральной трассы, встречаются через каждые десять-двадцать километров. Одноэтажные каменные лачуги с загонами для скота, бензоколонкой, чайным домом или закуской. В высокогорье тибетцы живут бедно. Овощи здесь завозные, ни кур, ни уток никто не

держит. Едят сырое ячневое тесто, мясо яков, баранину и козлятину. Из той же ячменной муки пекут лаваш и делают лапшу — широкими листами. Несколько раз на дню пьют чай — особым образом приготовленный отвар кирпичного прессованного пуэра с молоком и маслом яка, сильно подсолёный. Пить его можно только в горячем виде, остывая, такой чай превращается в жирный солёный кисель.

Саида считали своим, местным, хотя никто не знал, где он живёт. Никто никогда ни о чём его не расспрашивал, но все относились с большим почтением, как к одному из отшельников, живущих по пещерам близких нагорий. Когда он приходил в деревню и заходил в чайный дом, хозяин встречал его с улыбкой и сажал на лучшее место. Ему подавали отдельную посуду и не брали плату.

Зайдя в чайную, Саид поприветствовал хозяина. Ему отвели место у окна, напротив танки с мандалой, изображающей обители Будд. Саид бывал в этой чайной много раз, и всегда сидел на этом месте. Ему нравилось, что здесь неровные стены чисто выбелены, а не ярко разрисованы, как обычно, и только на балках и опорных столбах скромно увивались традиционные красные и синие орнаменты. Глазу можно было отдохнуть. И вид за единственным окном — на отдалённые горы, а не на скотный двор, унавоженный, истыканный, измешанный сотнями копыт.

Саид снял шляпу, как всегда попросил тхупка — лапшу с мясом яка и чай. Ел он мало, тем более в пути. К тибетской кухне привык давно и давно научился не замечать суровость высокогорных условий и скудость местной жизни.

Поев и напившись чаю, прилёг отдохнуть на деревянную скамью, покрытую войлочным одеялом. Хозяин вышел, запретив беспокоить гостя. Часа через два пришёл проводник-китаец и с ним незнакомый высокий человек лет пятидесяти пяти, судя по острым скулам и узкой бородке, монгол. Хозяин чайной не хотел их пускать, но Саид встал и вышел навстречу гостю. Пришедшие поклонились. Саид кивнул. Пока пришедшие пили чай, он сидел, привалившись к каменной изгороди, и смотрел на свои горы. Путь предстоял неблизкий, в три перехода, с ночёвками на снегу, на каменистых россыпях, среди талых ручьёв, под просторами высокогорного звёздного неба. Но это не пугало, а радовало, ведь Саид возвращается в свой мир беспредельной тишины, мир талых снегов, мир яркого солнца, под самые облака, на порог священной обители.

... в тумане... ост. о пожкыя...
... нм/л — вл/...

... кот. о рому — как расчрк — кнр буд...
... кот. о рому

вот: з/е/лове к — кот. о рому